

Д. А. Цыганков

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА МИХАИЛА КОРЕЛИНА*

Статья посвящена изучению дневника М. С. Корелина. Данная работа — один из немногих опытов изучения этого источника, впервые полностью опубликованного в 2014 г. автором данной статьи. Дневник вводит исследователей в творческую лабораторию Корелина и при сравнении с другими материалами личного характера, связанными с деятельностью этого исследователя, дает возможность изучить его интеллектуальную биографию в важный и во многом определяющий момент его жизни (1889–1895 гг.). Данные дневника позволяют утверждать, что к середине 1890-х годов Корелин достиг относительного материального благополучия и не придавал решающего значения этому фактору при оценке полноты собственной интеллектуальной жизни в 1890-е годы. Гораздо больше внимания ученый уделял анализу общих условий для занятий наукой в Московском университете. Изучение источника свидетельствует о том, что мир ученых Московского университета казался Корелину враждебным, предельно конфликтным, не создающим спокойную атмосферу для научного творчества. Несоответствие между представлениями Корелина о высоком назначении науки и о ее реальном положении в России привело историка к духовному кризису, наступление которого он предсказывает на страницах дневника. В письмах Корелина перед смертью это ощущение передано еще более полно. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: защита диссертации, профессорская корпорация, университетская повседневность, М. С. Корелин.

D. A. Tsygankov

DAILY UNIVERSITY LIFE FROM THE PAGES OF THE DIARY OF MIKHAIL KORELIN

The article is devoted to the study of M. S. Korelin's diary. The diary of M. S. Korelin was published in 2014 by the author of this article. The diary still has not been studied by historians as a whole text. The diary reveals the creative laboratory of Korelin and in comparison with other materials connected with his personal activity, allows for the study of Korelin's intellectual biography during an important and in many ways a defining moment of his life (1889–1895). According to the diary, Korelin achieved relative material well-being in the mid-1890s and did not attach decisive importance to this factor when assessing the efficiency of his own intellectual life. Korelin paid much more attention to the general conditions for scientific investigation at Moscow University. Korelin pointed out that the University Corporation at the Moscow University was hostile and extremely conflicted. The University ambience was fatal for his research activities. The discrepancy between the high purpose of science and its real situation in Russia lead Korelin to a spiritual crisis and to gloomy foreboding in the diary. The tone of his later letters confirm this statement. Refs 18.

Keywords: dissertation, University Corporation, University's everyday life, M. S. Korelin.

Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899) — явно неординарная фигура в профессорской корпорации Московского университета конца XIX в. Этот ученый благодаря своим способностям и покровительству со стороны научного руководителя

Цыганков Дмитрий Андреевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4; tsdm@yandex.ru

Tsygankov Dmitry Andrejevich, PhD, Senior Researcher, Moscow State University, 27, corp. 4, Lomonosovskii pr., Moscow, 119991, Russian Federation; tsdm@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Сообщество московских всеобщих историков в университетской, интеллектуальной и общественной жизни России. 1835–1917», проект № 14-01-00374, руководитель Д. А. Цыганков.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

В. И. Герье [Цыганков 2013, с. 53–67] сумел пройти долгий путь от сына мельника небольшого подмосковного села¹ до профессора одной из самых авторитетных и, по крайней мере, имеющей высокую устойчивую общественную репутацию кафедры Московского университета, какой была кафедра всеобщей истории [Цыганков 2010, с. 40–52]. Ключевыми в приобретении нового социального статуса для историка стали конец 1880-х — начало 1890-х годов. Именно в этот период Корелин и начал вести очень подробный и откровенный дневник (Записки. проф. истории Московского университета М. С. Корелина. Записки по месяцам за года 1889–1896, 1896, л. 1–88), текст которого² дает возможность ответить на вопросы о повседневной жизни университетского человека 1890-х годов [впервые опубликован: Корелин 2014, с. 274–448].

Диаграмма работы М. С. Корелина над диссертацией «Ранний итальянский гуманизм и его историография»

Автору дневника к концу 1888 — началу 1889 г., когда он начал его вести, было чуть более 33 лет. С сентября 1888 г. он на правах приват-доцента приступил к чтению в Московском университете общего лекционного курса³. Главной проблемой, терзавшей ученого на рубеже 1880–1890-х годов, был вопрос о защите магистерской диссертации. Потратив на выбор темы около пяти лет (1880–1885), найдя период исследования — итальянское Возрождение — во время заграничной командировки (1885–1887), Корелин все никак не мог приступить к печатанию диссертации, хотя после возвращения из-за границы прошло уже два года, а в письмах к учителю этого периода он утверждал, что не только имеет план исследования, но даже и текст диссертации у него отчасти готов. Накануне 1890 г. историк завел в дневнике таблицу, которую заполнял до конца 1892 г. [Корелин 2014, с. 289] (см. диаграмму). В таблице Корелин фиксировал данные о том, на какие виды занятий (подготовка и чтение лекций, написание статей, написание диссертации и т. д. и т. п.) он тратит столь драгоценные часы. В целом на страницах дневника до мая

¹ Комлево Рузского уезда Московской губернии, отсюда — часто используемый Михаилом Сергеевичем псевдоним Комлев, Комлевский.

² Сам Корелин называл этот текст дневником.

³ До начала преподавательской работы в университете Корелин имел за плечами опыт педагогической работы на Московских высших женских курсах (1880–1888), в Лазаревском институте восточных языков и женских гимназиях Москвы.

1892 г. лейтмотивом записей является скорбь о потерянном времени, выделенном для решения других вопросов и утраченном для диссертации («диссертация ползет», «диссертация сильно позаброшена, отчасти мешало папство, а в конце месяца рецензии», «диссертация в забросе», «в эти три месяца диссертация шла не бойко», «диссертация плетется», «опять боюсь, что из-за поспешности сильно пострадает диссертация»).

Судя по всему, во многом эта ситуация связана с различными проблемами, вызванными выработкой плана исследования. Неопределенное название диссертации [Корелин 1892а; Корелин 1892b] лишь подчеркивает трудности, с которыми столкнулся автор. Первоначально в центре его исследования должен был стать Лоренцо Валла, который был для Корелина квинтэссенцией развития раннего гуманистического движения. Однако, как он указывал в письме учителю еще 1 января 1883 г., «центральное положение моего героя заставляет обстоятельно изучить и предшествующую и последующую эпохи, а это подведет к тому, что работа растянется» [Переписка 2014, с. 485]. Именно широким изучением эпохи по рукописным источникам в архивохранилищах Европы, а затем их обработкой и сравнением полученных результатов с достижениями европейских историков занимался Корелин на рубеже 1880-х и 1890-х годов. В результате законченного текста рукописи у Корелина не было даже в начале публикации исследования, текст работы дописывался в ходе печатания диссертации. Первоначально Корелин планировал начать издание диссертации осенью 1889 г., однако практически это ему удалось лишь с октября 1890 г. Более того, в мае 1891 г., т. е. после полугода публикации диссертации, Корелин решает на важные изменения в работе: «Самое крупное в прошлом месяце решение (в апреле 1891 года. — Д. Ц.) сократить диссертацию наполовину, т. е. ограничиться XIV в. и обработать второй том в связи с Валлой» [Корелин 2014, с. 299]. Однако даже это не будет сделано. Несмотря на то, что материалы о Валле были собраны [Сафронов 1984, с. 30]⁴, раздел о нем для диссертации историком так и не был дописан. Второй том вышел вовсе не таким, каким мог представлять его автор до начала печатания текста. Фактически вторая часть работы превратилась в коллективную биографию последователей Ф. Петрарки и Дж. Боккаччо в различных частях Италии и предвосхищала деятельность Валлы, но полностью оставляла его в стороне.

Чувствуя, что печатание диссертации идет не по плану ученика, Герье предложил Корелину в письме от 4 августа 1891 г. представить на факультет первую часть работы, посвященную Петрарке, как магистерскую, а вторую часть, посвященную Боккаччо и его окружению, защитить как докторскую [Переписка 2014, с. 592]. Корелин возразил в письме от 8 августа: «Ваш лаконический и настоятельный совет произвести с книгой столь серьезную операцию, как *amputation captis*⁵, очень меня смутил и даже испугал. Я недоумеваю, что побуждает Вас так советовать мне форсированный марш: имеется ли в виду близкий и опасный неприятель, в которого нужно в сентябре стрелнуть тем, что есть, не дожидаясь резервов, или глава о Петрарке показывает недоброкачественность моих боевых средств. К Вашему приезду Боккаччо, вероятно, будет окончен, и тогда мы переговорим о дальней-

⁴ Судя по всему, Сафронов видел эту рукопись в ОРК МГУ. Эти материалы до сих пор недоступны исследователям, поскольку не выполнены работы по их описанию.

⁵ Сокращение главы (лат.).

шем, теперь же мне показалось крайне нежелательно еще сокращать книгу, и вот по каким причинам: 1) На две последние главы я возлагаю особые надежды; если в двух первых мне не удалось передразнить Wattenbach'a⁶, то третья сообщит хоть новый материал, а четвертая даст кое-какие выводы. 2) Этих выводов я решительно не сумею сделать из двух первых глав, и диссертация будет иметь незаконченный вид, причем огромное введение произведет комическое впечатление. 3) Если содержание книги, а не старинная благосклонность к ее автору заставляет Вас признать ее годной для магистерства даже без Боккаччо, то следует, мне кажется, принять во внимание, что совершенно иные требования предъявляются диссертации, смотря по тому, представляется ли она 5 или 10 лет спустя после окончания курса. И для меня самого возможно сравнительное душевное спокойствие только тогда, если я сам поставлю себе за книгу, по крайней мере, 3+, а в том виде, в каком Вы ее проектируете, она и в моих глазах не заслуживает такой оценки. В-четвертых, наконец, что выигрываю я от этих купюр? Два-три месяца времени; но что значит несколько месяцев для человека, опоздавшего на годы? Я не отрицаю возможности, что у Вас есть какие-нибудь соображения, которые в состоянии подорвать всю мою аргументацию; но исполнить это Ваше желание, против обыкновения, мне крайне тяжело, теперь, по крайней мере» [Переписка 2014, с. 593].

В итоге Корелин провел свой план работы. Защита диссертации позволила историку свободнее вздохнуть, из дневника исчезли подсчеты времени на научную работу по дням. В июне 1892 г. он записал в дневнике: «Никогда не работал так интенсивно, как в этом году, и никогда еще не имел такого успеха. 15 апреля кончил диссертацию; 22-го представил ее в факультет, 29 — дали доктора и 10 мая — диспут. Возражения Герье, Стороженко и Веселовского носили отеческий характер, и произвели, по-видимому, благоприятное впечатление. Хорошие отзывы в газетах; много писем и телеграмм» [Корелин 2014, с. 306].

Главная практическая задача, которая встала перед Корелиным после защиты диссертации, — получение профессорской должности в университете. Отсутствие даже магистерской степени не позволяло Михаилу Сергеевичу претендовать на штатное место в Москве, хотя о такой перспективе ему как будто бы говорил В. О. Ключевский в мае 1889 г. [Корелин 2014, с. 280]. Провинциальным университетам это не мешало предлагать Корелину работу у себя. Весной 1890 г. он был приглашен в Одессу на должность экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории Ф. И. Успенским [Корелин 2014, с. 291]. Это событие повышало авторитет Корелина как ученого, удовлетворяло его самолюбие, но не вписывалось в его научные планы относительно преподавания в Москве. Защита диссертации позволила ученому претендовать на профессорскую должность в Московском университете. Однако вплоть до ноября 1892 г. дело не двигалось с места. В августе Корелин отметил в дневнике: «В тот же день узнал, что вопрос о представлении меня к экстраординатуре в Округе и не поднимался, так как думали, что нет денег; но деньги имеются, и Высоцкий (ученик Герье и знакомый Корелина, работавший в канцелярии округа. — Д. Ц.) обещал поговорить с Капнистом (попечитель Московского учебного округа. — Д. Ц.)» [Корелин 2014, с. 309]. Возвращение Герье из-за границы явно ускорило решение вопроса: «Ряд перипетий в вопросе о кафедре, где особенную

⁶ Ваттенбах (Wattenbach) Вильгельм (1817–1894) — немецкий историк, профессор в Гейдельберге и Берлине, член Берлинской Академии.

энергию проявил Герье. 1-го (ноября. — *Д. Ц.*) Капнист сказал, что все основания за предоставление и деньги есть; затем Капнист и Высоцкий уехали в Петербург, и дело затянулось, 14-го Высоцкий обещал, что на будущей неделе будет сделано представление; 19-го Капнист отказался представить за неимением денег; 23-го новый визит Герье к Капнисту и 25 письмо от него, что представление будет сделано безотлагательно по образцу Лопатина, т. е. с доплатою 1000 рублей из штатной суммы» [Корелин 2014, с. 318]. В январе 1893 г. Корелин мог торжествовать: «12-го января назначен экстраординарным профессором, о чем частным образом известил 17-го Лаврентьев, а 25-го официально Капнист» [Корелин 2014, с. 328].

Получить должность ординарного профессора в Москве Корелину не удалось до конца жизни. Главная причина заключалась в том, что Министерство народного просвещения отказывало в финансировании третьей должности ординарного профессора по кафедре всеобщей истории в университете. Правда, в 1894 г. у Михаила Сергеевича появился шанс на ординатуру по другой кафедре — кафедре церковной истории. 4 сентября 1894 г. профессор этой кафедры протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов письмом известил Корелина о желании видеть того у себя, а 5 сентября при встрече предложил молодому университетскому коллеге взять на себя обязанности преподавания церковной истории в университете. 21 сентября Иванцов-Платонов сделал официальное заявление в Совете университета о том, что он прекращает преподавание и хотел бы видеть своим преемником в качестве преподавателя истории церкви Корелина [Корелин 2014, с. 392, 386, 397, 398, 404–406].

В этом выборе нельзя не учитывать личную мотивацию Иванцова-Платонова [Цыганков 2015, с. 137–149]. Он хорошо понимал, что главным претендентом на кафедру церковной истории в Московском университете, если на ней не окажется близкий к университетской корпорации человек, станет представитель профессорской корпорации Московской духовной академии. Именно этого-то и не хотел допустить Иванцов-Платонов, а профессора-историки ему в этом подходе к делу сочувствовали.

Предложение Иванцова-Платонова для профессуры кафедры всеобщей истории Московского университета было очень заманчивым. Во-первых, у историков появилась бы новая кафедра, профессор которой читал бы специализирующие курсы для студентов исторического отделения, чего требовала программа развития исторического отделения историко-филологического факультета [Чесноков 2012, с. 132–137]⁷, т. е. появилась бы новая специализирующая университетская кафедра, занятая историком. Во-вторых, поскольку на кафедре истории Церкви оказался бы Корелин, речь могла идти о концентрации вопросов по истории Церкви, ранее включенных в различные курсы, преподаваемые на кафедре, в рамках специального церковно-исторического курса. В-третьих, это подняло бы престиж Корелина в университете, принесло ему ординарную профессуру.

Впрочем, у этого смелого эксперимента был большой элемент риска. Кафедра для Корелина, безусловно, продолжала бы оставаться «пересадочной» — он ждал вакансии на кафедру всеобщей истории, поскольку на кафедре истории церкви не-

⁷ Интересно отметить, что профессора кафедры всеобщей истории для магистерского экзамена часто давали вопросы по истории церкви — в отличие от профессоров кафедры российской истории.

возможно было готовить кандидатов для замещения профессорских должностей и, следовательно, иметь учеников, что было очень важно для последователей круга Герье. Кроме того, не очень понятно, насколько внутренний мир Корелина подходил для подобного профессорского служения. Как у представителя демократической интеллигенции 1870-х годов, у него было очень критическое отношение к церковной повседневности, прежде всего к духовному сословию как определенной социальной группе русского общества, унаследовавшей многие дореформенные черты⁸. При серьезных контактах с представителями ученого мира из среды духовенства у Корелина вызывали резкое неприятие как архиереи Православной церкви, так и церковный народ, веру которого он считал чем-то культурно устаревшим. Отдавая должное церкви как культурной силе эпохи Средневековья, сформировавшей новую нравственность, создававшей систему образования в Европе, Корелин в целом смотрел на нее как на социальный институт старого порядка. Допуская наличие в церкви «прогрессивных» деятелей в современную эпоху, он полагал, что она сдерживает формирование индивидуальности человека, т. е. противостоит одной из господствующих тенденций нового времени.

Подобные взгляды Корелина не были тайной для тех, кто был знаком с его трудами. Поэтому решение Иванцова-Платонова видеть его своим преемником мгновенно вызвало сопротивление. В церковной печати появились слухи об атеизме Корелина, что сыграло в Министерстве народного просвещения в начале 1895 г. существенную роль при решении вопроса о возможном его назначении. В итоге на место Иванцова-Платонова был назначен профессор Московской духовной академии А. П. Лебедев.

Одной из проблем, с которой столкнулся Корелин в университете после назначения на должность экстраординарного профессора, стало вхождение в профессорскую корпорацию университета в новом качестве. Если проанализировать круг общения Корелина по дневнику, то получится, что это прежде всего коллеги по историко-филологическому факультету, с большинством из которых он познакомился еще на Высших женских курсах, или те, кого он хорошо знал по университету. Прежде всего это «всеобщие историки» — В. И. Герье, П. Г. Виноградов, Р. Ю. Виппер, затем — «русские историки» В. О. Ключевский, М. К. Любавский; философы — Л. М. Лопатин, Н. Я. Грот, филологи Ф. Е. Корш, Н. И. Стороженко, А. Н. Шварц, юристы Н. П. Боголепов и С. А. Муромцев. Через жену Надежду, выпускницу Лубянских курсов по естественно-математическому отделению, Корелин поддерживал дружеские связи с естествоиспытателями — А. Г. Столетовым, А. П. Павловым, В. В. Марковниковым, но близко сошелся только с В. К. Цераским. Общение происходило на официальных мероприятиях (Совет факультета и Совет университета), на журфиксах (пятницы у самого Корелина и вечера у других профессоров Московского университета), в московских ресторанах («Прага», «Славянский базар»).

В целом, как это видно из дневника, взаимоотношения между представителями либеральной профессуры университета в 1890-е годы были натянутыми. Несколько серьезных конфликтов взорвали взаимоотношения между ранее неплохо

⁸ Впрочем, это была устойчивая традиция историков Московского университета. Даже выходцы из духовного сословия П. Н. Кудрявцев и С. М. Соловьев подвергли жесточайшей критике среду, из которой происходили. Иванцов-Платонов также ратовал за весословность русского духовенства.

ладившими коллегами. Ключевыми стали 1892–1894 гг. Так, в ответ на предложение Герье на заседании Совета факультета 29 апреля 1892 г. дать Корелину степень доктора (минуя магистра) Р. Ф. Брандт и П. Г. Виноградов указали на то, что в случае признания высоких заслуг Корелина докторскую степень следует также дать и Милюкову, диссертацию которого на заседании факультета 22 апреля признали годной лишь для магистерства. Однако инициатива Брандта и Виноградова факультетом не была поддержана, и за предложение Герье проголосовали 10 профессоров факультета, в то время как против — всего лишь 2 [Макушин, Трибунский 2004, с. 67–69]. Корелин отметил в дневнике: «Связь с Милюковым немного огорчила, но, кажется, в конце концов послужила ad maiorem gloriam» [Корелин 2014, с. 306].

Осенью 1892 г. Корелин и Милюков оказались соперниками в борьбе за получение штатных сумм за преподавание. В письме к Герье от 16 сентября 1892 г. Корелин писал: «Единственные 2000 могут легко исчезнуть, если дадут вознаграждение какому-нибудь приват-доценту, напр., Милюкову (toujours lui, lui partout⁹), а ходатайствовать об этом будут» [Переписка 2014, с. 606]. Противостояние с Милюковым продолжилось и в следующем году. В ноябре 1893 г. Корелин отмечал: «...Говорил о регулировании положения приват-доцентов. По моему настоянию, в комиссию вошел Шварц, и мы держимся с ним одинакового мнения: свести дело к старой приват-доцентуре и преподавательству... На факультете поднялся вопрос о вознаграждении Милюкова, и по моему настоянию отложен до возвращения Ключевского. Но нужно быть осторожней, чтобы сохранить занятое положение» [Корелин 2014, с. 367]¹⁰. Интересы Милюкова лоббировал Виноградов: «9-го (февраля 1894 г. — Д. Ц.) факультетское заседание с плохим докладом о приват-доцентах. Не был выяснен принцип вознаграждения: кажется, штуки Виноградова, который не хотел связывать себе рук для Милюкова» [Корелин 2014, с. 375–376]. В марте 1894 г. Корелин записал: «Виноградов, чтобы сохранить два обязательных часа для Милюкова, вместе с Шварцем сделал предложение о сокращении на историческом отделении чтения древних авторов на 3 и 4 курсах по часу, что и принято факультетом» [Корелин 2014, с. 379]. Корелин хотел забрать эти часы для собственного семинара, однако часы ему, судя по всему, не достались, Милюков продолжил чтение курса. Отношения Корелина и Милюкова на этом фоне портились: «Стороженко, а, может быть, и Милюков, распускают слухи, что я интригами перебил у Стороженко статью для “Русской мысли” [Корелин 2014, с. 374], «очень охладились отношения с Стороженко, и я думаю, что здесь действует Милюков и, может быть, Иванов» [Корелин 2014, с. 377].

На конфликтные отношения между историками повлияла и ситуация вокруг формирования Комитета исторического общества при Московском университете в начале 1894 г. [Бухерт 2001, с. 195–206; Макушин, Трибунский 2004, с. 81–85]. Идея об основании общества, вероятнее всего, возникла еще у Виноградова в 1889 г. Однако виноградовский кружок так и не сумел оформиться в общество, а в 1893 г. инициативу по созданию организации перехватил Герье. Фактически благодаря его влиянию общество было утверждено в 1893 г. [Андреев, Цыганков 2004, с. 95–105]. Однако при формировании состава общества и утверждении его комитета в январе-феврале 1894 г. возникли серьезные разногласия. Во время выборов комитета

⁹ Всегда он, он везде (фр.).

¹⁰ По настоянию Ключевского Милюкову намеревались выплатить около 800 руб.

общества, насчитывавшего 10 человек, Герье отказался включить в состав общества весь кружок Виноградова (около 35 человек), поскольку считал, что в таком случае выборы станут неуправляемыми. Однако Виноградов и Милюков, связанные обязательствами перед членами кружка войти в общество целиком или не входить вовсе, настаивали на полном включении в общество всех представителей кружка, обещая Герье провести на должность секретаря любую устраивавшую его кандидатуру. При этом Милюков обратился к Герье с предложением включить в состав общества всех членов кружка Виноградова и лишь затем довыбрать из списка, на котором настаивал Герье (около 80 человек). Герье был оскорблен и поставил Милюкову на вид, что он забывает, с кем и где он говорит. Милюков в сердцах покинул заседание и сложил с себя звание члена комитета [Корелин 2014, с. 379–380, 382].

Корелин полностью поддержал учителя. Занимаемая Корелиным позиция привела его к сближению с поколением его учителей и отбросила от сверстников [Корелин 2014, с. 388]. Для взаимоотношений с последними показательна история контактов Корелина с Виппером. Два историка были однокурсниками. «Я с ним сблизился еще в университете, очень его люблю, но должен признать, что в нем очень заметна принадлежность к семье, которая имеет много общего с Бедламом» [Переписка 2014, с. 568], — писал Корелин о друге учителю. Михаил Сергеевич много сделал для того, чтобы помочь Випперу на профессиональном поприще, и фактически насильно вывез его для научных занятий за границу. Молодые люди поехали в заграничную командировку вместе и занимались сначала в Берлине, а затем в Вене, Мюнхене и Париже. Корелин воспринимал себя как опекуна Виппера, по крайней мере именно в таком тоне он писал об этом Герье: «Виппер остается еще на год (до апреля). Работает он очень хорошо. Погладьте меня по головке» [Переписка 2014, с. 552]; «я выдумал поездку за границу и возился здесь с ним, как с писаной торбой. Вы себе представить не можете, сколько он мне крови за границей испортил: дважды чуть не за фалды я удержал его в Берлине, удержал в Вене, в Мюнхене, уговорил провести зиму в Париже» [Переписка 2014, с. 568].

В 1894 г. Виппер защитил диссертацию, за которую, по инициативе Герье, как и Корелин, получил сразу докторскую степень. Корелин был не очень доволен: «17. (апреля. — Д. Ц.) Герье решил и 27 факульт[ет] присудил доктора Випперу. В глубине души я был [против] этого, но, может быть, по зависти, но действовал за... из солидарности и приличия» [Корелин 2014, с. 382]. На диспуте Герье выступил с очень резкой критикой диссертации: «Герье подорвал значение книги. Он доказал, что с точки зрения Виппера пропущена характеристика французского третьего сословия, представителем которого был Кальвин, и французский элемент женевского населения. Кроме того, Г. доказал, что автор не понимает духа Кальвинизма, не понимает, что такое олигархия, теократия и т. д.» [Корелин 2014, с. 385]. Виппер на замечания учителя обиделся и демонстративно не пригласил Герье на банкет по случаю защиты. Корелин присутствовал, но стало ясно, что и с ним Виппер не желает поддерживать дружеских отношений: «Отношения с Виппером, кажется, порваны. На обеде после своего диспута он предложил демонстративный тост за друзей, сидевших налево и прямо (мы с Бремером сидели направо от него)» [Корелин 2014, с. 387]. Столь же демонстративно Виппера поддержал Виноградов. Однако его позиция при защите диссертации Виппером смущала уже Корелина: «Его отзыв, написанный без достаточного знакомства с книгой, сопровождался тайным, ловко

скрытым скандалом. Виноградов приписал Випперу открытие: изменение взглядов Кальвина по разным изданиям Institutionis, но это открытие уже сделано Kosllin'ом. Пришлось тайком добывать отзыв “для сокращения” и его переделывать» [Корелин 2014, с. 385]. Кроме того, Корелин приписывал Виноградову желание возвысить научное значение диссертации Виппера ради сведения счетов с самим Корелиным: «Герье раскаивается в докторстве Виппера; скорое согласие со стороны Виноградова — в значительной степени желание нанести удар мне» [Корелин 2014, с. 387].

При этом именно Корелину Виппер был обязан получением профессорского места в Одессе. Но чего здесь больше — желания Корелина обезопасить себя от конкурента в Москве или помочь другу — не совсем ясно. Виппер платил тем же: «27 июля Виппер назначен в Одессу и 30 августа его прощальный визит с супругой, холодный, но лицемерно дружеский. Грустная история: из человека самого близкого он превратился сначала в совсем чужого, а потом во врага в душе» [Корелин 2014, с. 392].

Студенты 1890-х годов больше симпатизировали оппонентам Корелина. В среде «павликан» (членов кружка Виноградова) ходили разнообразные слухи, которые студенты коллекционировали. Так, один из них, будущий университетский профессор Ю. В. Готье, вспоминал: «Популярность, которой пользовался у нас П. Г. Виноградов, мешала нам объективно относиться к другим профессорам всеобщей истории. Так, мы из-за этого гораздо меньше ценили В. И. Герье и подчеркнуто отрицательно относились к М. С. Корелину только потому, что откуда-то слышали, что между ним и П. Г. происходят какие-то трения» [Готье 1989, с. 563]. Не благоволители к Корелину и поклонники Виппера: «Герасимов страстно и враждебно напал на меня за уроки у Перепелкиной. Это нападение показало мне, что отношение Випперовского кружка не менее ко мне враждебно, как и Виноградовского» [Корелин 2014, с. 388].

Впрочем, «сервизм молодежи», проявлявшийся, по мнению Корелина, в излишней угодливости студентов по отношению к Виноградову и близким к нему историкам вроде Милюкова, Михаилу Сергеевичу в целом преодолевать удавалось. Более того, Корелин, будучи сторонником истории идей, интеллектуальной истории, начал наступление на проповедников экономического материализма, истоки интереса к которому в университете он связывал с деятельностью А. И. Чупрова, Виноградова, Милюкова и отчасти Ключевского: «Это направление наплодили у нас, с одной стороны, Чупров и земские статистики, с другой — Виноградов, Милюков и отчасти Ключевский» [Корелин 2014, с. 428]. Воевать было тяжело, поскольку сторонники истории идей иногда подвергались обструкции за свои взгляды, как это произошло с другом Михаила Сергеевича — Николаем Ивановичем Кареевым, выступившем против экономического материализма на заседании Исторического общества в Москве в феврале 1896 г.: «23-го Кареев был освистан многочисленной толпой, собравшейся в Историческом обществе на его реферат против экономического материализма» [Корелин 2014, с. 428]. И все же Корелин добился того, чтобы студенты приходили к нему на дом для частных разговоров по проблемам экономического материализма, в ходе которых профессор пытался познакомить студентов с вопросами «культурной истории», что, впрочем, далеко не всегда приносило плоды. Несмотря на старомодность в методологии исследования, в целом Корелин не рассматривался студентами как ренегат и «черный» профессор. Ему при-

сылали документы различные студенческие организации, информировавшие его о студенческих мероприятиях и объяснявшие их подоплеку. Корелина приглашали участвовать в студенческой благотворительности, он даже вошел в узкий круг лиц, которые подготовили собрание для формирования программы сближения между профессорами и студентами [Корелин 2014, с. 362–363; Ильяшенко 2014, с. 107–112] и где очень влиятельной силой был Милюков.

Одним из вопросов, который пришлось решать Корелину в 1890-е годы, был вопрос материального обеспечения семьи. Смело можно сказать, что этот временной отрезок стал для Корелина чрезвычайно удачным с финансовой точки зрения. Доходы Корелина стабильно росли, позволяя ему даже накопить небольшой капитал, который в последний год его жизни составлял чуть более 7 тыс. руб. [Никс 2008, с. 176–177]; ниже приведена таблица доходов и расходов Корелина (впервые опубликована Н. Н. Никс).

Сводная таблица доходов и расходов М. С. Корелина за 1893–1898 гг., в руб.

Статьи доходов и расходов	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
Доходы:						
<i>Жалование</i>	1760,50	1963,50	1963,95	1963,95	1963,95	1963,30
<i>Гонорар</i>	106,80	220,45	281,25	297,85	265,55	193
<i>Экзамены</i>	39,75	50,40	23,75	24	900	100
<i>Командировочные</i>	100			100		
Итого	2016,05	2234,45	2268,95	2385,80	3129,50	2256,30
Учительство:						
2-я женская гимназия	682,60	507,60	507,60	682,60	338,40	
Гимназия Перепелкиной	606,25	230,15				
Частные уроки		70,00	16,00			
Публичные чтения		6,00	7,00			
Итого	3304,90	3048,10	2799,55	3068,40	3467,90	2256,30
Публицистика	645,75	318,35	698,10	486,40	392,95	1369,50
Всего	3950,65	3366,45	3497,65	3554,80	3860,85	3750,50
Остаток от прошлого года	381,40	532,05	1286,35	5352,80	6041,65	6304,05
ОБЩИЙ ИТОГ	4332,05	3898,50	4784	8907,60	9902,50	10054,55
Расходы						
<i>Семейный</i>	2810,95	2875,70	2893,85	2723,85	2747,70	2186,45
<i>Личный</i>	898,05	794,15	1081	975,70	850,75	855,45
Остаток на следующий год	623,05	228,65	809,15	5188,30	6304,05	7012,65

Из таблицы видно, что доход около 3 тыс. руб. позволял профессору делать финансовые «запасы» на будущее. При этом понятно, что собственно профессорского жалования для обеспечения семьи ему не хватало и он был вынужден подрабатывать. Корелин мог согласиться с оценкой положения московского профессора специальной комиссией в 1910-е годы: «В настоящее время профессора, если они скромные деятели и не занимают других штатных должностей, обыкновенно проживают у нас свои состояния, если они их имели, и бедствуют, если они их не имели. Мизерное их в материальном отношении положение — одна из главных причин оскудения наших университетов научными силами. Молодые не идут в препода-

ватели, а достигнувшие профессорства по необходимости ищут себе посторонних занятий и этим с грустью для себя отвлекаются от прямого и столь дорогого им дела — служения науке и молодежи» [К вопросу 1914, с. 3]. Однако в целом Михаил Сергеевич уверенно решал проблему финансового обеспечения семьи и не надеялся на решение этого вопроса государством. Более того, слухи об увеличении жалования ординарного профессора до 5 тыс. руб. в обмен на лояльность к МНП его скорее раздражали [Переписка 2014, с. 471].

Проблемы подстерегали профессора не в материальной сфере. Ухудшились его семейные отношения. Во-первых, Корелин ближе к середине 1890-х отказался от проведения каникулярного времени в Листвянах (небольшая деревня рядом с Пушкино по Ярославской железной дороге), центре совместного отдыха родственников жены Надежды Петровны, в девичестве Александровой. Вместо Листвян Корелин вывез семью сначала на Балтийское побережье в Силламяги, где, правда, некоторые из давних знакомых, например Цераские, их навещали (1894), затем отправился в Финляндию (1895), а потом — под Калугу (1895–1896), в окрестностях которой сблизился с новыми людьми¹¹. Во-вторых, вполне возможно, претерпевали кризис личные отношения Корелина с женой, о чем можно догадываться из некоторых записей в дневнике. Так, в 1892–1896 гг. Корелин несколько раз упоминает на страницах дневника Ольгу Гирш, дочь крупного московского предпринимателя, которой он давал частные уроки и которую знакомил с московскими достопримечательностями и выставками. При этом весьма показательна запись Корелина, сделанная в январе 1896 г.: «Крупное изменение в отношениях с Ол. Гирш от ее увлечения делами и Аренсом» [Корелин 2014, с. 353].

Весьма печально складывались отношения историка с престарелым отцом и собственной родней. С одной стороны, историк по нескольку раз в году бывал у отца в Комлево. Он любил там отдохнуть, задумывался над тем, чтобы перевезти отца в Москву на свою квартиру, хотя ему это было крайне неудобно, о чем он откровенно писал в письмах к Герье. Однако поездки в Комлево после 1893 г. Корелин начинает воспринимать очень настороженно. При этом, судя по всему, историку кажется, что родственники-неудачники проживают нажитый капитал отца: «отец постепенно опускается, а около него кормится сестринская семья» [Корелин 2014, с. 411]. Даже тот факт, что отец желает пожертвовать часть оставшегося у него капитала на комлевский храм, вызывает у историка ламентации о нерациональном использовании денег: «У отца отнялись ноги, но до развязки, по-видимому, очень далеко. Поездка в Комлево очень тяжелая, но поучительная. Отец прожился, и большая часть наследства пошла на церковь и на зятя» [Корелин 2014, с. 424].

Дневник Корелина показывает, что постепенно историка охватывает уныние. Он начинает коллекционировать неудачные для занятий дни (в рубрике «настроение», появляющейся в январе 1893 г., он подсчитывает болезни и плохие, скверные и серые дни). В октябре 1894 г. он заносит в дневник следующую характерную для этой рубрики запись: «Один из наиболее плохих месяцев. Хороший день один, отвратительных — 3, скверных — 9, остальные — серые. 8-го бессонная ночь и жаба с лихорадкой. 27 — боль в боку. Но главная причина — отсутствие горячей любви

¹¹ Судя по всему, в дальнейшем Корелин должен был проводить лето в Германии на лечебных курортах в связи с ухудшением здоровья.

к чему бы то ни было, ослабление всех интересов, неудовлетворенность всем существующим. Недостатки характера мстят мучительно» [Корелин 2014, с. 396].

Под давлением этих чувств Корелин считает, что в научном отношении движение вперед прекратилось. Так, практически остановилась работа над книгой о Валле, которую он хотел написать после завершения диссертации. В июне 1894 г. Корелин констатирует: «Начал работать над Валлой. Вся собранная мною переписка уже напечатана; биография потребует много работы, но большого значения иметь не может» [Корелин 2014, с. 389]. Впрочем, в это время Корелин увлекается археологией (участвует в работе археологических съездов, налаживает контакты с А. С. Уваровой), занимается вопросами повышения грамотности различных категорий населения Москвы в Комитете грамотности [Корелин 2014, с. 411, 423], принимает участие в деятельности различных обществ при Московском университете: посещает заседания ОЛРС, Психологического общества, исторического общества. Однако и эта работа не во всем удовлетворяет историка. В декабре 1895 г., накануне нового 1896 г., Корелин записывает в дневнике: «Очень тяжело на душе. Всю жизнь проникает разлад, в университете ненормально, общественная деятельность тоже: не только между двух стульев, но и не в своей тарелке. Иногда это затушевывается, а иногда выступает при пустом поводе с ужасающей ясностью. Сегодня очень характерный в этом отношении день. Утром за нудным и ненужным рефератом для Комитета грамотности, потом визит Ольги (Гирш. — Д. Ц.) — одно огорчение, потом экспертная комиссия по чужому делу; дома сцена с женой по пустякам, вечером доклад по народным картинкам. И это день ученого, университетского профессора! В результате утомление и негде голову преклонить. А кроме того, в квартире холод, отовсюду дует, опух подбородок. Тяжело, тяжело. Потом целая полоса мелких, но непрерывных неудач — тоже портила настроение. Новый год встречал у Александровых и очень уныло» [Корелин 2014, с. 425].

Состояние разочарования будет преследовать Корелина до конца жизни. Ученый будет вспоминать о лучших годах жизни — времени сбора материала для диссертации за границей, прежде всего в Италии, будет надеяться на личное возрождение, которое никогда не наступит. Очень показательным в этом отношении одно из последних писем историка к своему учителю Герье, написанное незадолго до смерти: «Мои лихие болезни несколько стихли и возвращаются только вечером да по ночам; сердце работает гораздо лучше прежнего, и в этом только я усматриваю благоприятный результат Наугеймских ванн. Если я не ошибаюсь, мои силы настолько реставрировались, что зимой я буду в состоянии работать, а следовательно, вести довольно сносное существование... А работать очень хочется. По дороге из Базеля в Люцерн кондуктор стал перечислять станции и назвал Милан, как конечный пункт, и это Mailand произвело на меня особое действие: непременно захотелось опять в Амброзиану, где жилось хотя холодно и голодно, но бодро, с мечтами и надеждами, которые тогда казались такими разумными, такими привлекательными. Это настроение напомнило мне один грустный эпизод из моего детства. У отца была старая гусарская лошадь Полкан, которая, отгулявши военную службу, мирно и лениво возила дрова и сено. Но однажды, таща воз с сеном и со мной около военного лагеря в Климентьеве, Полкан слышал знакомые сигналы, пустился вскачь и после нескольких прыжков отдал Богу душу, если таковая у него имелась.

Я был благоразумнее старого Полкана и остался сидеть на месте и потому моя душа пока при мне обретается» [Переписка 2014, с. 633].

В целом, исходя из дневника Корелина, можно говорить о двух разноплановых тенденциях, дающих возможность оценить качество жизни ученого в 1890-е годы. С одной стороны, это установка на рациональное расходование времени, правильное соподчинение многообразных задач, решаемых им в профессиональной деятельности (научные результаты, педагогическое мастерство, публицистическая деятельность). При решении этих вопросов Корелину удалось достигнуть определенных успехов: он защитил диссертацию, за которую получил степень доктора (минуя магистра), оказался очень востребованным интеллектуалом на рынке услуг (получал выгодные предложения по работе от московских гимназий, газет, журналов и книжных издательств). Это позволило экстраординарному профессору Московского университета резко повысить уровень материального достатка семьи, сбалансировать доходы и расходы в сторону увеличения первых. Однако достижение успеха далось профессору ценой физического и умственного перенапряжения, вызванного большим объемом работы и постоянным пребыванием в конфликтной атмосфере. Найти выход из этого положения в летних рекреациях и дружеском общении с близкими людьми оказалось невозможно.

Источники и литература

- Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Общества по изучению истории в Московском университете XIX — начала XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. 2004. № 2. С. 95–105.
- Бухерт В. Г. Основание исторического общества при Московском университете // Археографический ежегодник за 2000 год. М.: Изд-во Наука, 2001. С. 195–206.
- Готье Ю. В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Изд-во «Современник», 1989. С. 554–574.
- Дневниковые записи М. С. Корелина о П. Н. Милюкове / вступит. статья, публ. и коммент. А. В. Макушина, П. А. Трибунского // Commentarii de Historia. Электронный периодический журнал исторического ф-та Воронежского гос. ун-та. 2000 (декабрь). №2. URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-07.htm> (дата обращения: 15.01.2016).
- Ильяхиенко Н. А. Студенческий вопрос в Московском университете конца XIX в. На страницах дневника М. С. Корелина // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. II. 2014. № 1. С. 107–112.
- К вопросу о профессорских штатах Императорских российских университетов. М.: Типогр. Торгового дома «Мысль», 1914. С. 1–22.
- Корелин М. С. Записки. проф. истории Московского университета М. С. Корелина. Записки по месяцам за года 1889–1896, 1896 // Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 2202 (М. С. Корелина). Оп. 2. Ед. хр. 1.
- Корелин М. С. Дневник // Terra Eupora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред. Д. А. Цыганкова. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 274–448.
- Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Вып. 1. М.: Типогр. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892а. 577 с.
- Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Вып. 2. М.: Типогр. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892б. 510 с.
- Макушин А. В., Трибунский П. А. Павел Николаевич Милюков. Труды и дни (1859–1904) / вступит. статья С. М. Ляндрес, Д. Вульф; предисл. Т. Эммонс. Рязань: Частный издатель П. А. Трибунский, 2001. С. 67–69.
- Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. М.: Новый Хронограф, 2008. С. 36–41.
- Переписка В. И. Герье и М. С. Корелина // Terra Eupora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред. Д. А. Цыганкова. М.: Политическая энциклопедия [РОССПЭН], 2014. С. 449–635.

Сафронов Б. Г. Вопросы исторической теории в работах М. С. Корелина. М.: Изд-во МГУ, 1984. 152 с.
Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2012. С. 113–137.

Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. 503 с.

Цыганков Д. А. Трагедия учителя. В. И. Герье и М. С. Корелин: к истории интеллектуального диалога // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. II. 2013. № 4. С. 53–67.

Цыганков Д. А. Протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов и историки Московского университета // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. II. 2015. № 1. С. 137–149.

Для цитирования: Цыганков Д. А. Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 3. С. 120–134. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.310

References

Andreev A. Iu., Tsygankov D. A. Obschestva po izucheniiu istorii v Moskovskom universitete XIX — nachala XX [The society for development of historical study at Moscow University in the 19th — early 20th century]. *Vestnik of Moscow State University. Issue 8, 2004, no. 2*, pp. 95–105. (In Russian)

Bukhert V. G. Osnovanie istoricheskogo obschestva pri Moskovskom Universitete [The foundation of The Historical society of the Moscow University]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2000 god [The Special Historical Discipline Yearbook, 2000]*. Moscow, Nauka Publ., pp. 195–206. (In Russian)

Gauthier Iu. V. Universitet [The University]. *Moskovskii universitet v vospominaniakh sovremennikov [The Moscow University in memoirs of contemporaries]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 554–574. (In Russian)

Dnevnikovye zapisi M. S. Korelina o P. N. Miliukove [The extract from the diary of M. S. Korelin about P. N. Milukov]. Introduction, publication and comment by A. V. Makushin and P. A. Tribunskii. *Commentarii de Historia. Elektronnyi periodicheskii zhurnal istoricheskogo fakulteta Voronezhskogo universiteta [Commentarii de Historia. Digital Journal of History Faculty at Voronezh State University]*. 2000 (December), no. 2. (In Russ.). Available at: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-07.htm> (accessed 15.01.2016).

Ilashenko N. A. Studencheskii vopros v Moskovskom universitete kontsa 19 veka [The student question at The Moscow University in the end of the 19th century]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo universiteta [Vestnik of the St. Tikhon's Orthodox University]*. Issue II. 2004, no. 1, pp. 107–112. (In Russian)

K voprosu o professorskikh shtatakh Imperatorskikh rossiiskikh universitetov [To the question of the staff of The Imperial University in Russia]. Moscow, Trade House «Mysl» Print., 1914, 22 p. (In Russian)

Korelin M. S. Zapiski professora istorii Moskovskogo universiteta M. S. Korelina. Zapiski po mesjatsam za goda 1889–1896 [The notes of M. S. Korelin, Professor and historian of Moscow University. From 1889 until 1896]. *Tsentrálny arkhiv goroda Moskvy (TsGA g. Moskvy) [The Central State Moscow Municipal Archive (TsGA of Moscow)]*, op. 2202 (M. S. Korelin), d. 3, ed. khr. 1. (In Russian)

Korelin M. S. Dnevnik [The Diary]. *Terra Europa: intellektualnoe prostranstvo moskovskikh istorikov vtoroi poloviny XIX veka [Terra Europa: the intellectual background of the Moscow historians at the second half of the 19th century]*. Ed. by D. Tsygankov. Moscow, Politicheskaja Encyklopediia [Political Entsiklopediia (ROSSPEN) Publ.], 2014, pp. 273–448. (In Russian)

Korelin M. S. *Rannii italianskii gumanizm i ego istoriografiia. Kriticheskoe issledovanie [The Early Italian humanism and its study. Critical study]*, vol. I. Moscow, A. Lissner & Iu. Roman Print., 1892a, 570 p. (In Russian)

Korelin M. S. *Rannii italianskii gumanizm i ego istoriografiia. Kriticheskoe issledovanie [The Early Italian humanism and its study. Critical study]*, vol. II. Moscow, A. Lissner & Iu. Roman Print., 1892b, 510 p. (In Russian)

Makushin A. V., Tribunskii P. A. *Pavel Nikolaevich Miliukov. Trudy i dni [Paul Milukov: Work and Time]*. Ryazan, Private print by P. Tribunskii, 2001, 439 p. (In Russian)

Niks N. N. *Moskovskaia professura vo vtoroi polovine 19 — nachale 20 veka [The Moscow professoriate at the second half of the 19th — the early 20th century]*. Moscow, Khronograf Publ., 304 p. (In Russian)

Perepiska V. I. Gerrier i M. S. Korelina [The correspondence between V. Gerrier and M. Korelin]. *Terra Europa: intellektualnoe prostranstvo moskovskikh istorikov vtoroi poloviny XIX veka [Terra Europa:*

- the intellectual background of the Moscow historians at the second half of the 19th century*. Ed. by D. Tsygankov. Moscow, Politicheskaja Entsyklopediia [Political Entsyklopediia (ROSSPEN) Publ.], 2014, pp. 449–635 (In Russian)
- Safronov B. G. *Voprosy istoricheskoi teorii v rabotakh M. S. Korelina* [Questions of historical theory in the works of M. S. Korelin]. Moscow, Moscow State University Press, 1984, 152 p. (In Russian)
- Chesnokov V. I. Puti formirovaniia i kharakternyie cherty systemy istoricheskogo obrazovaiya v dorevoluzionnoi Rossii [Ways of formation and characteristic features of the system of University history education in pre-revolutionary Russia]. *Istoricheskaja kultura imperatorskoi Rossii. Formirovanie predstavleniy o proshlom* [Historical culture of Imperial Russia. The formation of ideas about the past]. Moscow, Publ. House “Higher School of Economics”, 2012, pp. 113–137. (In Russian)
- Tsygankov D. A. *Professor V. I. Gerrier i ego ucheniki* [Professor V. Gerrier and his followers]. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Entsyklopediia Publ.], 2010, 503 p. (In Russian)
- Tsygankov D. A. Tragedia uchitela. V. I. Gerrier i M. S. Korelin: k istorii intellektualnogo dialoga [Tragedy of Teacher. V. Gerrier and M. Korelin. To the question of the intellectual relationship of the two scientists]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo universiteta* [Vestnik of the St. Tikhon's Orthodox University]. Issue II, 2013, no. 4, pp. 53–67. (In Russian)
- Tsygankov D. A. Protoierey Alexander Mikhajlovich Ivantsov-Platonov i istoriki Moskovskogo universiteta [The Archpriest Alexander M. Ivantsov-Platonov and historians of The Moscow University]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo universiteta* [Vestnik of The St. Tikhon's Orthodox University]. Issue II, 2015, no. 1, pp. 137–139. (In Russian)

For citation: Tsygankov D. A. Daily university life from the pages of the diary of Mikhail Korelin. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 3, pp. 120–134. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.310

Статья поступила в редакцию 16 января 2016 г.; рекомендовано в печать 21 июня 2016 г.